

животным фактом свой злобы, и в их наказание. Интерпретируя в моральв смысле мифологию «Федра», Бэций по. гает, что уже в этой жизни жадный прев; щается в волка из-за своей алчности, хитрый становится лисицей, ленивый — ослом, р вратный — свиньей. Бэций нисколько сомневается, что после смерти виновны! души ожидает чистилище, а преступников ждудт тяжкие муки в аду, но он не проявляет желаниа рассуждать об этом.

За психологией следует физиология, наука о природе. То, что предложил Бэций прекрасном стихотворении из трактата утешении философией» (кн. Ш, 9), пред ет собой резюме из 28 строк откомментиро] ного Халкидием «Тимея». Уступая щедро своей идеи блага, Бог украшает хаотичную ма4 терию формами по образу идей; здесь кратко, но четко указано на учения о числах, элемент тах, душе мира и освобождении души посредством созерцания. В этом космологическом сценарии нет ничего оригинального, однаш Бэций углубил его в двух пунктах: касательно отношения Провидения и судьбы и касательно метафизической структуры существ.

В согласии с Халкидием Бэций подчиняет Провидению то, что он называет судьбой. Рассматриваемый с точки зрения упорядочивающей мысли Бога, порядок вещей есть Провидение; рассматриваемый как внутренний закон, управляющий изменением вещей изнутри, он есть судьба. Речь здесь идет о двух различных реальностях, ибо Провидение есть Бог и оно вечно пребывает в своей совершенной неподвижности, тогда как судьба, которая есть лишь закон следования самих вещей, разворачивается вместе с ними во времени. Будучи осуществлением во времени вечных предписаний Провидения, судьба не противодействует, но лишь служит ему. Однако она не нарушает человеческой свободы. В последовательности

113

3. От Бэция до Григория Великого

вижений концентрических окружностей тентр остается неподвижен; чем больше человек отворачивается от Бога и удаляется от своего центра, тем больше он влеком судьбой; но чем больше он приближается к Богу, тем более он неподвижен и свободен. Тот, кто твердо пребывает в созерцании высшего Интеллектибельного, тот будет одновременно и совершенно неподвижен и совершенно свободен. Здесь мы сталкиваемся с любопытным фактом отхода от стоицизма в направлении христианского платонизма.

Вторая проблема, глубоко разработанная Бэцием, входит в число тех, где его мысль оказалась наиболее личностной и наиболее плодотворной. Вслед за Платоном и Августином он отождествляет бытие с благом, а небытие — со злом. То есть для всего сущего быть и быть благим — одно и то же. Но если вещи субстанциально благи, то чем они отличаются от Блага самого по себе, которое есть Бог?

Ответ Бэция заключен в формулу, лапидарность которой даст в дальнейшем повод для многочисленных комментариев: *diversum est esse et id quod est**. Что это означает? Всякое индивидуальное сущее есть уникальный набор акциденций, не сводимый ни к какому иному. Такая совокупность взаимосвязанных детерминаций (размеры, чувственно воспринимаемые свойства, фигура и т. д.) — это то, что есть (*id quod est*). «То, что есть» получается из совокупности частей, составляющих целое: оно есть все они вместе, но не есть ни одна из них в отдельности. Поскольку, например, человек состоит из души и тела, он есть одновременно и душа, и тело, но не есть только душа или только тело. Таким образом, в любой своей отдельной части человек не есть то, что он есть (*in parte igitur non*